

ПОХИТИТЕЛИ ДРЕВНОСТЕЙ

ЗОВ МОРСКОГО ЦАРЯ

Екатерина Неволина

Похитители древностей

Екатерина Неволина

Зов Морского царя

«Автор»

2013

Неволина Е. А.

Зов Морского царя / Е. А. Неволина — «Автор»,
2013 — (Похитители древностей)

ISBN 978-5-699-64020-1

Гусли Садко – сильнейший артефакт, обладающий магическим влиянием на своих слушателей. Добраться до него мечтают многие, но команда «Русичей» в своем расследовании всегда оказывается на шаг впереди соперников.

Все меняется, когда подозрения ребят подтверждаются и они наконец выясняют, кто предатель, пустивший их по следу врага. По его вине они не раз оказывались на волосок от гибели. Глеб понимает, что теперь они в западне, выбраться невредимыми из которой практически невозможно.

ISBN 978-5-699-64020-1

© Неволина Е. А., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Глава 1	12
Глава 2	20
Глава 3	25
Глава 4	29
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Екатерина Неволина

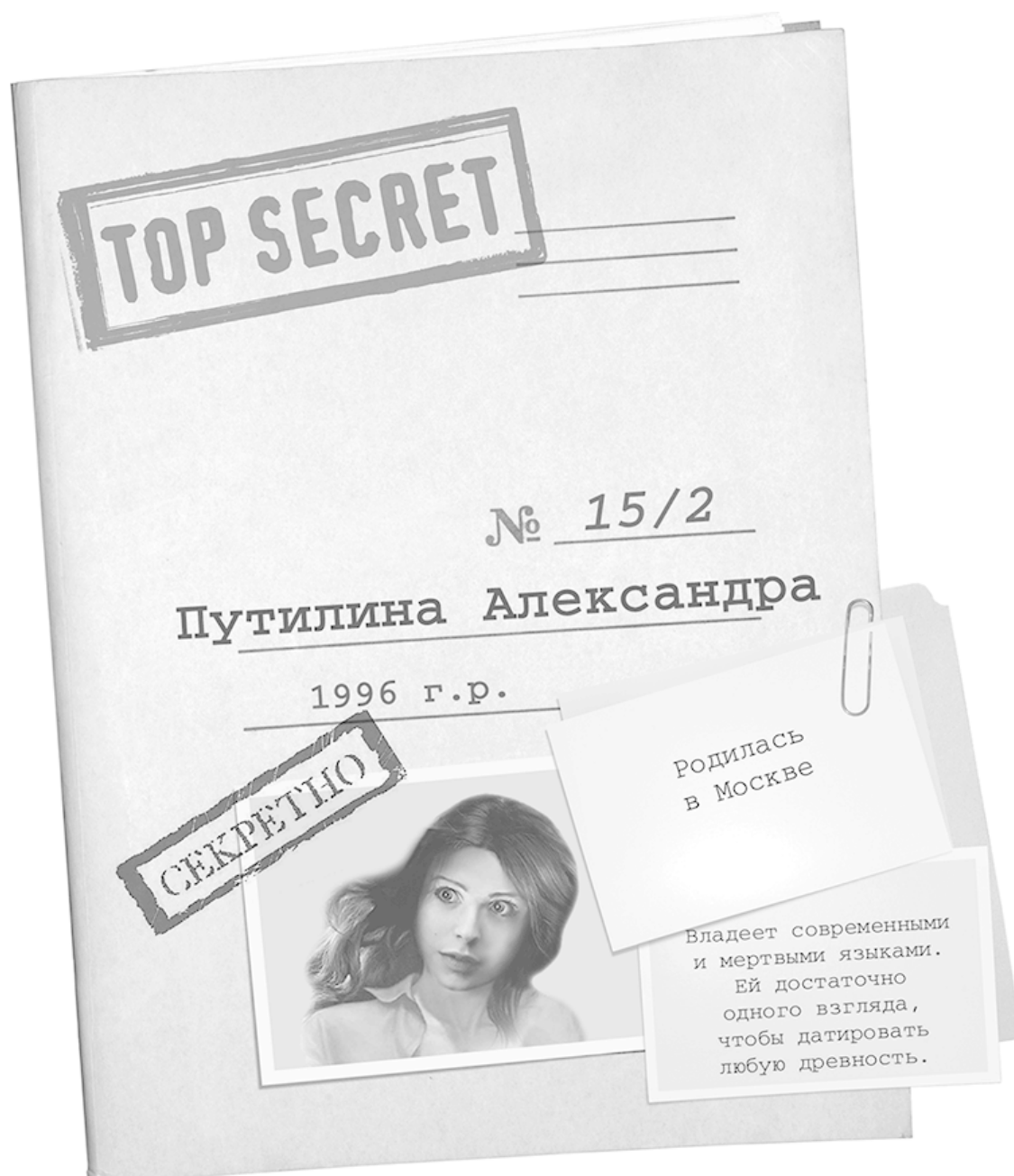
Зов Морского царя

© Неволина Е., 2013

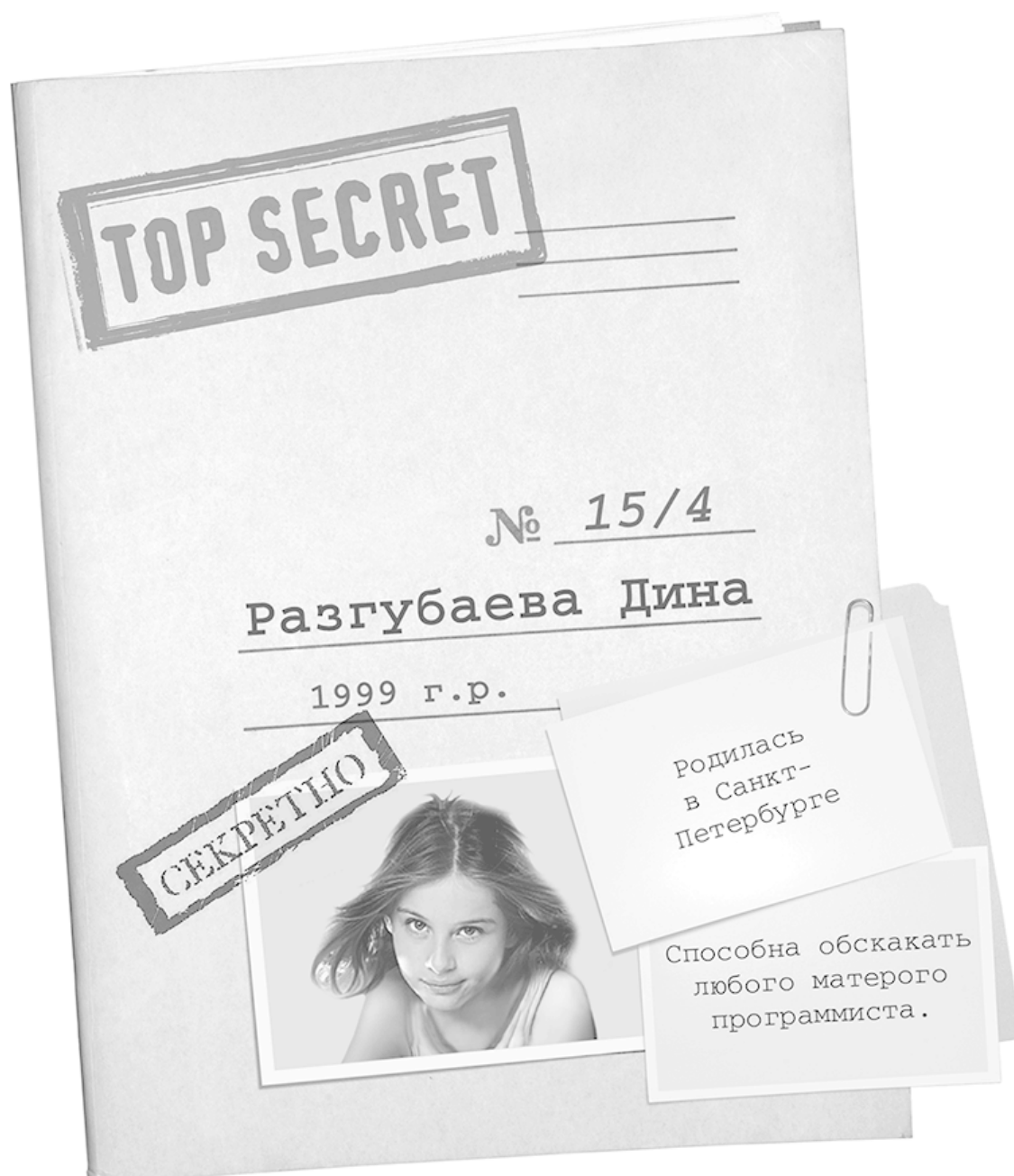
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

– Ты действительно меня любишь?

Девушка с волосами светлыми, как пронизанные лучами летнего солнца струи ручья, заглянула в глаза высокому темноволосому человеку с немного резким, но, безусловно, красивым и породистым лицом.

– А у тебя есть повод для сомнения? – Он взял ее за тонкую руку с белой, очень тонкой, почти прозрачной кожей.

Зал, где они стояли, был воистину прекрасен. Со всех сторон поднимались спиральные колонны из розового мрамора, по потолку шла искусная роспись, изображающая зеленый луг и гуляющих по нему людей в пышных венках, стены опоясывали выполненные из отливавшего голубым и розовым перламутра мозаики, изображавшие дельфинов. В общем, зал поражал воображение своей величественностью и вместе с тем изяществом. В нем имелаась только одна странность – полное отсутствие окон.

– Ты сомневаешься во мне? – повторил вопрос темноволосый.

Девушка улыбнулась.

– Нет. Если бы я сомневалась, то разве пригласила бы тебя сюда? Разве усыпила бы отца и открыла бы сокровищницу, чтобы показать тебе все богатства?

– Вот видишь, моя прелесть. – Мужчина по-хозяйски запустил пальцы в роскошные волосы девушки и, слегка запрокинув ее голову, коснулся губ мимолетным поцелуем. – Ты чудесное дитя, мне было с тобой хорошо и даже жаль немного, что наше время вышло.

– То есть как вышло? – Темно-синие, как глубины океана, глаза девушки широко распахнулись.

– Ничего личного, – сказал мужчина и вдруг резким движением всадил красавице в грудь нож.

Девушка недоуменно посмотрела на расплывающееся на тонкой голубой ткани некрасивое кровавое пятно. Ее губы полуоткрылись в немом вопросе.

– Нож заговоренный. Мне жаль тебя огорчать, но ты все же умрешь, – темноволосый выпустил свою жертву из объятий.

Красавица покачнулась. Она пыталась что-то сказать, но на губах выступила кровь. Несчастная задыхалась часто-часто, а потом медленно опустила на мозаичный пол. Ее тонкая рука, унизанная изящными золотыми браслетами, в последнем усилии схватилась за ручку ножа, но жизнь уже стремительно уходила из этого прекрасного тела.

Мужчина молча дождался пока все закончится, затем наклонился и закрыл все еще удивленные глаза. Пора браться за дело.

Аккуратно обойдя мертвое тело, он подошел к двери сокровищницы и на миг остановился, ослепленный ее блеском. Чего там только не было! И редчайшие золотые чаши, украшенные драгоценной чеканкой старых мастеров и умело ограненными камнями, каждый из которых стоил целое состояние... И античные черноузорные амфоры, попавшие сюда прямоком с триер¹... И иконы в драгоценных окладах, написанные в первые века христианства, когда распятый бог только-только начинал свой триумфальный путь по земле. А уж украшений, золотых и серебряных монет самых разных времен и народов и вовсе не счесть!

При виде этого богатства можно было сойти с ума или продать душу самому морскому черту, но у убийцы были немного другие планы.

Войдя в сокровищницу, он медленно обошел россыпи золотых монет и самоцветов, миновал античные сосуды и драгоценные чаши. Даже иконы и кадильницы, украшенные драгоценными рубинами, похожими на капли крови, не привлекли его взгляд дольше чем на несколько секунд.

Он прошел уже большую часть сводчатой залы, когда, похоже, наконец, нашел то, что ему было нужно, – простые деревянные гусли, казавшиеся неуместными среди прочего великолепия.

Мужчина, почти не глядя, взял из кипы драгоценных тканей затканый золотым шитьем кусок бархата, бережно завернув в него гусли, спрятал себе за пазуху и с этой ношей вышел из сокровищницы.

Взглянув на стоявшие на мраморном столике песочные часы, в верхней части которых осталось совсем немного песка, мужчина покачал головой и, ускорив шаг, двинулся к выходу.

Небольшая тайная дверца, скрытая в нише одной из стен, вывела его наружу. Теперь становилось понятным, почему в зале отсутствовали окна: сразу за стенами дворца было море, вернее даже: сам дворец находился на морском дне, и рядом с ним вместо розового куста располагалась целая колония пышных водорослей, среди которых резво сновали причудливые разноцветные рыбки. Это казалось таким красивым, что не залюбоваться ими было невозможно. Но темноволосый не потерял на них ни единой секунды. Оттолкнувшись от дна, он быстро заработал руками и ногами, изо всех сил плывя к поверхности.

¹ Триера – древнегреческое судно, которым управляли гребцы, сидящие в три ряда.

Долог оказался путь вверх из самых толщ морской пучины, но, наконец, мужчина вынырнул. Силы его были на исходе.

Какое-то время он жадно вдыхал соленый морской воздух под небом, подсвеченным огромными звездами, с любопытством взирающими на него с высоты, а потом поплыл к едва различимому берегу. Он успел добраться до поверхности до истечения действия заклятия, позволяющего дышать под водой, но еще не все испытания остались позади. Нужно успеть. Нужно унести драгоценную добычу.

Наконец ноги нащупали дно. Это придало беглецу уверенности. Можно считать, победа останется за ним. Рассекая грудью воду, он двинулся к берегу. Оставалась буквально пара шагов, когда за его спиной послышался все нарастающий рокот.

Мужчина оглянулся. В море, пока что далеко от него, поднималась в небо огромная волна, казавшаяся угольно-черной на фоне ночи.

– Ну, теперь вся надежда на черта, – пробормотал он и неуклюже побежал, прижимая к груди драгоценный сверток, то и дело падая на песок, тут же спешащий забиться в нос, запорошить глаза.

Видимо, черт и вправду помогал ему, потому что темноволосый успел взобраться по тропинке на дюну, высоко поднимающуюся над морем, как раз за миг до того, как огромная волна со всей силы обрушилась на берег.

Человека обдало потоком воды, но он находился вне пределов досягаемости гнева Морского царя. Он был на суше, в безопасности.

– Ну что, съел?! – крикнул темноволосый, потрясая кулаком, в сторону моря. – Так я тебе и дался!

Море грохотало и бешено билось о берег, а мужчина, подняв мокрое лицо к небу, громко, словно сумасшедший смеялся.

– Я обманул тебя, глупец! Тебя и твою глупую дочь! Я надсмеялся над вами и получил желаемое! – орал он и снова смеялся.

Человек был так поглощен своей безумной радостью, что не заметил, как, полускрытая сенью ночи, к нему скользнула еще одна тень. Он оглянулся, когда было уже поздно, и принял нацеленный в живот удар копья с тем же удивлением, что отражалось в глазах убитой им девушки.

– Ты кто? – прохрипел темноволосый, вглядываясь в склонившуюся над ним тень.

При свете молний он смог разглядеть молодое, незнакомое ему лицо, прилипшие ко лбу светлые волосы и простую суконную одежду.

– Я тот, на чью землю ты пришел, пес-рыцарь, – ответил незнакомец, с трудом произнося немецкие слова. – Я тот, чей дом ты сжег. Я тот, чью семью ты убил. Я – твоя смерть.

А на море все бушевал шторм.

Глава 1

Занимательное чтение

На море бушевал шторм. Корабль стонал, словно человек, страдающий от невыносимой боли. Да и немудрено. Словно кости, трещала его палуба, обвисшей кожей трепались на свирепом ветру порванные паруса, а сломанные мачты походили на выступавшие из мертвого тела ребра. Корабль умирал и корчился в своей предсмертной муке. Буря терзала его, разрывала на части и в то же время никак не могла сдвинуть с места. Он застыл, словно накрепко привязанный к чему-то на дне добротной пеньковой веревкой, сплетенной лучшими новгородскими мастерами.

Люди, сгрудившиеся на палубе, просоленные, усталые и сами едва живые, уже не пытались ни натягивать снасти, ни браться за весла. Теперь ни у кого из них не оставалось сомнений: сам Царь морской гневается на них и требует себе искупительную жертву.

Был среди людей высокий да статный купец в богатой, затканной золотым шитьем одежде. На него и поглядывали сейчас остальные – кто с надеждой, кто с ненавистью.

– Садко-купец, – прошептал один из моряков, сплевывая на ходящую ходуном палубу. – Вот те крест, из-за него беду терпим! Давно ли был в Новгороде последним, спасибо говорил, когда за столом чарку наливали, а теперь, как разбогател, зазнался, сам черт морской ему не брат!

Его товарищ, уже немолодой, с просмоленной жиденькой бородкой, быстро взглянул из-за плеча, не слышат ли, и покачал головой:

– Ты, Ярун-то, потише. Морской царь головы требует, вот Садко-то твоей головушкой и расплатится.

– На чужом горбу в рай не въедешь, – снова сплюнул моряк. – Море – оно справедливость любит. Помяни мое слово, даром наш гусяр не отделается! Заплатит-таки гордец за все, что с него причитается!

Словно в подтверждение его слов корабль снова душераздирающе заскрипел, будто завопили от боли и страха сразу сотни глоток. Люди зашумели, еще сильнее заволновались. То тут, то там все яснее звучало страшное слово:

– Жертва! Жертва!

Словно шторм, нарастал людской гул.

Человек в расшитом кафтане медленно оглядел толпу. Его лицо блестело от морской воды, а волосы прядями прилипли к высокому лбу, и все же чувствовалось в нем некое благородство, словно была на этом человеке особая печать.

– Жертву, говорите, надобно?! – спросил он зычным голосом, перекрывающим вой ветра. – Кто сказал «жертву»? Ну, подходи, кто смелый!

Молчит дружина, притихли матросы. Страшно пасть жертвой жестокой бури, но там, возможно, есть еще шанс спастись, а подвернуться под руку разгневанному Садко никто не хочет. Наконец, вышел из толпы один старичок. Идет, качается, за снасти цепляется, еле-еле на ногах держится.

Предстал он перед купцом, поклонился и говорит:

– Не вели казнить, именитый гость², вели слово молвить! Стар я, нечего мне терять, а потому не боюсь уж твоего гнева. Разве не видишь сам, что осерчал на нас Морской царь. Не двигается наш корабль с места, сколько усилий ни прилагаем. Уж и вино в воду лили, и золото-серебро бросали – без толку. Хочет Владыка головы человеческой.

² Гость – значит богатый, уважаемый купец, торгующий с заморскими странами.

– Что же ты такое, пес паршивый, болтаешь! – поднял было Садко руку, чтобы проучить стоящего перед ним человека за дерзкие слова, да и опустил: не годится старца бить.

– Нужно кинуть жребий, – продолжал тем временем старик. – Чей жребий быстрее других утонет, тот в жертву Морскому царю и потребен.

– Отродясь ему не кланялся и кланяться не стану! – ответил Садко гордо, и в тот же миг в небе полыхнула молния, словно небесный карающий меч.

Забегали, заголосили люди, а старик упал на колени, ухватившись за полы златотканого кафтана.

– Пожалей, Садко, если не себя, то наших сыновей да жен, что на берегу дожидаются! Поклонись Морскому царю, чай не каменный, не развалишься.

Скрипнул зубами купец, да делать нечего.

– Ладно, – махнул он рукой, – бросим в море каждый свой жребий, и первым кинул в воду свою шапку.

Тут же пошла шапка ко дну, словно была сделана не из мягких невесомых шкур, а из тяжелого свинца.

Посмотрел Садко на это и покачал головой:

– Неправильный это жребий. Кинем еще раз. Теперь судить будем по тому, какой жребий последним на волнах останется.

Бросили снова. На этот раз отвязал он от пояса меч и кинул его в море. И снова чудо – легкие деревянные щепки, что бросили дружинники или матросы, тут же ко дну пошли, а тяжелый меч на волнах качается.

Вздыхнул купец.

– Видно, такова моя доля.

Взял он свои верные гусли, а более ничего, перекрестился и прыгнул в море.

И как только сделал он это, замерла страшная буря, и, покачнувшись, вновь поплыл корабль, все дальше и дальше уходя от того места, где остался Садко, примостившийся на тонкой доске, случайно подаренной ему морем.

Когда изрядно потрепанный бурей корабль скрылся за горизонтом, небо и вовсе просветлело, разошлись тучи и выглянуло солнце.

Осмотрелся Садко вокруг. Куда ни глянь – синь да синь. То небесная, то морская. А на горизонте небо с морем и вовсе мешаются, словно две сестры, прильнувшие друг к другу в тесном объятии.

Улыбнулся купец, вспомнив те времена, когда он, простой гусяр, ходил на берег Ильмень-озера и подолгу играл там на своих чудесных гусях так, что его сам Царь морской заслушивался.

Тронул он струны гуслей, и поплыла над морем дивная мелодия. Звонящая, как ручеек, мощная, как шум горного водопада. И было в ней все на свете – и первый лучик едва пробудившегося солнца, и горячий шепот влюбленного юноши, и тепло первого погожего дня... Так хороша была эта чудесная мелодия, что даже ветер затих, заслушавшись, а поверхность моря стала гладкая, словно шелк.

Великой силой обладали те гусли...

– Великой силой обладали те гусли... – Александра подняла взгляд от книги и пожала плечами. – Вообще-то очень странная версия. Впервые такую вижу. Обычно гусли Садко не считаются волшебными, а былина повествует о том, как бывший гусяр, а ныне купец попал на дно, где играл перед Морским царем, а тот, чтобы наградить музыканта, велел ему выбрать жену из морских царевен.

– Доводилось читать, – согласился Ян, устроившийся на подлокотнике ее кресла. – Там еще было про то, что Морской царь долго этого самого Садко запугивал. Говорил, что, мол, или съест его, или сожжет, или женит. Уж не знаю, что страшнее.

– Только твои шутки, – отрезала девушка.

Динка, наблюдавшая за их пикировкой с дивана, чуть заметно улыбнулась. Ян понравился ей сразу, но теперь он, похоже, приносит настоящую пользу, потихоньку размораживая Александру. Его постоянные провокации, как ни странно, шли только на пользу, и Саша все больше напоминала живого человека, а не ледяную скульптуру или хладнокровную русалку. Кстати, а ведь ее, кажется, когда-то тоже выловили из моря...

– И еще один момент, – снова задумчиво сказала Саша, – Садко долгое время простой гусяр. Свой дар он получает после первой встречи с Морским царем. Тогда Садко, еще не ставший купцом, бродил по берегу реки, напевая свои песни, и так пленил Морского царя, что тот выплыл из пучин и пообещал Садко помощь. Но, мне кажется, дело не только в этом. Именно после той встречи песни гусяря стали обладать особенной силой. Что, если Морской царь отдал человеку гусли?

– Интересная версия, – кивнул Глеб. – Ну а дальше-то что?

Ему, как главе их маленького отряда, положено быть серьезным и, если что, одергивать наиболее увлекшихся членов команды. Динка на него не сердилась. Глеб, как и Ян, был стопроцентно своим.

* * *

Долго играл Садко, пока не иссякли силы, а потом, обессиленный, заснул.

Проснулся он уже на дне морском, где высился прекрасный перламутровый дворец Морского царя.

Сам царь, с густой седой бородой, в которой запутались ракушки, сидел на высоком коралловом троне.

Поклонился ему Садко, а Морской царь и говорит:

– Много ты, Садко, по морю плавал, меня подарками не уваживал, а теперь сам прибыл мне в подарочек. Скажи теперь, казнить тебя или миловать.

– Все в твоей воле, – ответил Садко, – только позволь мне прежде сыграть на гусях. Может статься, в последний раз.

Заиграл Садко веселую плясовую. И такова оказалась сила волшебных звуков, что весь дворец пустился в пляс. Не выдержал сам суровый Морской царь. Соскочил он со своего трона и пошел в присядку. Уж он плясал так, что все вокруг ходуном ходило. А волны на море поднимались с гору, много кораблей затонуло тогда.

Три дня играл Садко, и три дня танцевал Морской царь, а после умаялся и пощады запросил.

– Перестань играть, – попросил он, едва удерживаясь на ногах, которые по-прежнему выделявали всякие коленца, – не обижу я тебя, а напротив, награжу.

Умолкли волшебные гусли, и Морской царь обессиленно опустился на ступеньку своего трона.

– Ух, уморил... – вздохнул владыка. – Ладно, обещал я тебе награду, и слово свое царское сдержу. – Выдам за тебя одну из своих красавиц-дочерей!

Не смог возразить Садко: велика честь, да только если женишься на одной из русалок, на всю жизнь в подводном царстве и останешься, никогда земли родимой не увидишь, никогда не увидишь ясна солнышка, никогда не пробежишь по мягкой траве, никогда не поклонись городу знатному, господину Великому Новгороду. Что же делать? И вдруг услышал Садко, что кто-то шепнул ему в ухо:

– Соглашайся, но как станет Морской царь дочерей своих показывать, пройди мимо всех. Самой последней пойдет девица Чернавка, ее и выбери, да как сыграют свадьбу и положат вас почивать, к жене своей не притрагивайся, тогда сможешь на Русь-матушку вернуться.

Сделал Садко все так, как ему подсказали.

Вывел Морской царь своих дочерей – одна другой краше. И были они милее всех земных девушек, сияли они ярче солнца ясного. Засмотрелся на их красоту Садко, но вовремя вспомнил совет. Прошел он мимо всех русалок и остановился перед последней, самой скромной, самой неприметной из них.

– Позволь мне, царь, выбрать вот эту! – указал он на Чернаву.

Удивился Морской царь, да разве тут поспоришь.

– Ну что же, бери ее, раз прихлась по сердцу, – согласился он.

Тут же устроили пышную свадьбу, какой на Руси-матушке и не видывали. Кружились хороводами прекрасные морские девы, и казалось, что это разноцветные резвые рыбки. Щедро лились меды пряные и яства столь диковинные, каких Садко ранее не пробовал ни на родине, ни в далеких чужеземных землях.

Как отшумел праздник, уложили Садко спать с молодой женой. Только гуслир даже смотреть на нее не стал, отвернулся к стене и вскоре заснул.

А проснулся он уже на Руси-матушке, на берегу речки неподалеку от Новгорода, что Чернавою прозывается.

Перекрестился Садко, поблагодарил Бога за спасение и пошел домой, где уж его живым увидеть не чаяли, а к пристани как раз его корабли подходили, целые да невредимые.

И зажил с тех пор Садко в богатстве и радости. И жену себе взял человеческую, девушку ласковую да добрую, что первой ему на родном берегу встретилась.

* * *

– Вы заметили один интересный факт?.. – Саша подняла голову от книги и оглядела друзей. – Когда Садко прыгал с корабля, у него были гусли. Фигурируют они и в сцене на морском дне, а вот на берегу их, похоже, уже нет. Какой делаем вывод?

– Ты хочешь сказать, что они так и остались в море? – Северин – высокий, светловолосый парень с пронзительными синими, как море, глазами, даже подался вперед. – И нам опять, как в Китеже, придется лезть под воду?

При упоминании Китежа Динка невольно передернула плечами. Если бы не Ян, все они так и остались бы при дворе княгини, поддавшись воздействию Китежской иконы, позабыв о собственном прошлом. Воспоминание, в целом, не из приятных.

– Возможно, – уклончиво ответила Александра.

Динка подозревала, что и Саша вовсе не в восторге от перспективы отправиться на морское дно. У нее были свои причины не доверять воде, ведь родные девушки погибли при крушении яхты, выжила только Александра. Как-то, на заре обучения в школе, Динка ради спортивного интереса залезла в электронную базу, прочитала личные дела учеников и узнала, что у Саши после трагедии была серьезная водобоязнь. С ней случались нервные припадки, стоило только увидеть текущую воду, какое-то время она даже не желала становиться под душ или залезать в ванну. Теперь, конечно, лучше. Когда вся команда ездила в летний лагерь, Александра даже купалась, правда, у самого берега.

– Мы справимся, – сказал Ян непривычно серьезно.

Динка заметила, что парень положил руку на плечо Саши, показывая что девушка не одна, что он не бросит ее в беде. Ян мог сколько угодно насмехаться, паясничать и даже задевать чувства Александры, но как только доходило до серьезных неприятностей, он оказывался рядом и без колебаний отдал бы за нее собственную жизнь. Это чувствовалось, такие вещи

всегда видны, хотя их никогда не выставляют напоказ. Глядя на Александру и Яна, становилось даже завидно. Почему саму Динку все воспринимают как ребенка, относятся несерьезно. Ей бы, может, тоже хотелось, чтобы рядом находился кто-то надежный и умный... Ей, в конце концов, уже почти пятнадцать, в то время как Джульетте, когда она влюбилась в своего Ромео, было только тринадцать. Можно сказать, старость на носу, а в жизни ничего не происходит.

Девочка покосилась на сидевшего неподалеку Северина, единственного свободного парня из их компании. Светловолосый, мужественный, красивый, но надежды на него вообще нет. Конечно, он возится с ней, но при этом воспринимает как младшую сестру, готов вытирать нос и варить манную кашу.

– Главное, чтобы нам опять не помешали, – проговорил Глеб и окинул всю компанию внимательным взглядом.

Все замолчали. Глеб затронул очень опасную тему.

Об этом в группе не говорили.

После неувязок с прошлым заданием все члены команды сочли, что среди них есть предатель, сливающий информацию конкурирующей организации. Разумеется, проводилось расследование. У Динки при воспоминании о нем до сих пор немели кончики пальцев. Да, расследование было, и после него Евгений Михайлович, директор школы, официально заявил, что предателя в команде нет, что информацию сливал один из охранников, напарник Сереги, а захваченный в подвале Брюсова дома маг сбежал сам, ловко освободившись от веревок.

Никто из «русичей» не оспорил слова директора – да и как их оспоришь, чтобы показать свое доверие к команде, их тут же отправили на новое задание, и все же... все же в голосе и во взгляде Глеба читалась настороженность. Он словно намекал, что имеет собственное мнение, отличное от мнения руководства.

Динка выдержала его взгляд спокойно и лишь чуть заметно презрительно улыбнулась, вспоминая беседы с Евгением Михайловичем. Беседками их называл сам директор, ранее служивший в весьма определенных структурах, которыми до сих пор пугают доверчивых и впечатлительных иностранцев. Члены организации, носившей название КГБ – иначе: Комитет государственной безопасности, – умели добывать информацию. Сомневаться в их профессионализме глупо.

Ребята молчали. Саша раскрыла книгу и демонстративно погрузилась в чтение. Ян заглядывал в текст из-за ее плеча, и порой до Динки долетало фырканье, когда на глаза магу попадалось уж слишком смешное слово или красочное описание. Глеб, словно ни в чем не бывало, снова склонился к документам, которые изучал, а Северин со скучающим видом листал какой-то потрепанный том.

Девочка встала с дивана и подошла к окну.

Небо было беспросветно-серым и, словно тетрадка, расчерченным косыми линейками дождя. Весь школьный сад промок до последнего листика и блестел, переливался под тугими струями. Прижав ладонь к стеклу, Дина задумалась.

Сразу после возвращения из Монино ее пригласили на беседу.

– Проходи, садись, где удобно. – Школьный психолог Светлана, правая рука Евгения Михайловича, дружелюбно улыбнулась застывшей на пороге Дине.

Девочка деловито оглядела комнату с диванами и мягкими пуфами, приглушенный свет лампы падал на причудливой формы дизайнерский столик. Пахло ладаном и еще чем-то холодным, от чего Дина внутренне поежилась.

– А где же все? – поинтересовалась она.

– Что именно? – Светлана вопросительно подняла бровь.

– Ну, там дыба, клещи, раскаленная жаровня – все, что нужно для допроса.

Школьный психолог улыбнулась:

– Нам это ни к чему, ведь у нас не допрос, а беседа. Ты знаешь, что все мы оказались в очень сложной и неприятной ситуации. Да-да, все мы: и вы, и я, и Евгений Михайлович – ведь в случившемся есть доля нашей вины, и изрядная. В общем, боюсь, без вашей помощи не справиться.

Динка настороженно опустила на пуфик.

– Я, конечно, могу еще раз проверить наше программное обеспечение на предмет взлома и уязвимостей. Но это же глупо. Я тоже подозреваемая. А если я и вправду шпион, то не только не найду ничего серьезного, но только хуже сделаю, – сказала она с деланой серьезностью.

Но Светлана как будто не заметила насмешки.

– Мы все здесь подозреваемые в каком-то смысле, – сказала она с грустью. – Но это по-своему справедливо. Очень хорошо, что ты склонна к техническим, точным наукам. Ты по-другому видишь мир, замечаешь то, на что другие не обратят внимания. Это может очень помочь нам всем.

– Ну что же, я готова, спрашивайте, – Динка уселась, по-турецки скрестив ноги, и внимательно посмотрела на психолога.

– Ну, сначала самое простое: не замечала ли ты в последнее время что-то странное? Изменилось чье-то поведение, у кого-то появились посторонние интересы в городе?..

Девочка пожалала плечами.

– Вроде бы нет. Но, наверное, только глупый шпион ведет себя подозрительно. Умного заподозришь в самую последнюю очередь. И на самом деле сливать инфу может кто угодно. Все отлучались по своим делам, и достаточно надолго, чтобы встретиться с кем-то или передать что-нибудь. Мы же не сидим тут как привязанные.

– Ну, в этом случае ты как раз вне подозрений, – Светлана улыбнулась. – Почти все время проводишь в школе. И значит, не можешь быть шпионом.

– Это утверждение ошибочно, – торжествующе сказала Дина. – Как раз, если рассуждать логически, то могу. Евгений Михайлович пару раз давал мне доступ к нашим системам безопасности. Просил проверить, нет ли там каких-нибудь маленьких дырочек для маленьких жучков, ну в компьютерном смысле.

Психолог кивнула, показывая, что понимает, о чем речь.

– Конечно, с тех пор доступы менялись, и не раз. Но будь я шпионом, то наверняка оставила бы для себя лазейку.

– А зачем тебе быть шпионом? – вдруг спросила Светлана.

– Ну как же, – обиженно протянула девочка, – а бесчеловечное обращение: литературой и физкультурой мучают, пытаются овсянкой.

– А как насчет предательства? – спросила она снова.

– Что? – переспросила Дина.

– Тот, о ком мы говорим, не шпион, а предатель, – сказала Светлана серьезно и убежденно. – Потому что предал своих друзей и чуть не убил их. По-настоящему, а не как в компьютерных играх. Ты же помнишь Арину. И то, чем завершился штурм у озера, тебя как раз тогда похитили³. И ничего веселого или романтического в этом нет. Это подло и больно. Для всех остальных, конечно. Я, как и ты, хочу, чтобы все это поскорее кончилось и никогда не повторялось.

Дина смотрела на нее притихшая, как мышка, лишь глаза девочки посверкивали в сумерках, окутавших комнату.

– Я... я понимаю. Простите. На самом деле, простите. Просто я не хочу думать об этом. Потому что все это так, как вы сказали. Просто... предателем не может быть кто-то из наших! – добавила она тихо, но убежденно.

³ Речь идет о событиях, произошедших в книге «Секира Перуна» и «Город-невидимка».

– Я очень хочу верить, что это так. Если бы я была религиозным человеком, то, наверное, молилась бы об этом. Но тогда ты тем более должна мне помочь. Представь, что тебе дали задание... по учебе. Трудное, неприятное, но просто задание.

– Ну... – Дина, уселась поудобнее и наморщила лоб.

– Что ты можешь сказать о Глебе?

– Он часто отлучается по делам. Иногда возвращается поздно. Да нет, это не Глеб. Он же правильный до жути. И Евгения Михайловича очень уважает.

– С ним могло что-то произойти. Жесткие, правильные люди долго терпят, но легко ломаются, – предположила Светлана. – Может, изменилось чье-то отношение к нему? То, чем вы занимаетесь, – суровое и опасное дело. И у взрослого человека оно может вызвать серьезный стресс. Уверена, во всех ваших провалах Глеб до сих пор винит себя.

– Мы все любим Глеба и уважаем, – возразила Динка. – И никто не стал к нему хуже относиться из-за того случая на острове Перуна⁴. У всех бывают фейлы. А у озера он и вовсе ни при чем. Там собралась куча серьезных, взрослых дядей с автоматами. Они и должны были смотреть.

– Я понимаю, что все вы хорошие друзья, но все же с кем-то человек лучше сходиться, с кем-то хуже. Как по-твоему, у кого из вас с Глебом наиболее доверительные отношения?

Девочка задумалась:

– Наверное, с Сашкой. Они же дольше других знакомы. Ну и с Северином они, по-моему, хорошо ладят.

– А ты?

– Я слишком несерьезная, трачу время на ерунду, на игры то есть, и всякие литературы-истории не очень люблю. И искусство тоже – старые шмотки да пыльные картинки. Глеб меня еще маленькой считает. – Она вздохнула.

– А с Сашей или с Северином Глеб не ссорился?

– Да вроде нет.

– Дина, – Светлана пристально на нее посмотрела, – а ты знаешь, что Саша и Ян?.. – Она не окончила фразу. Дина с интересом смотрела на нее, явно ожидая продолжения. – Что им нравится проводить время вместе.

– Что они влюбились друг в друга? Так все видели, там, в Глинках.

– Как ты думаешь, как воспринял это Глеб?

– Глеб? Так он же с Олей. Ну, вы понимаете, им нравится проводить время вместе. Здесь он главный и занимается тем, чем нравится. Может, он и расстраивается из-за всех этих провалов, но не будет из-за этого предавать.

– Хорошо, а Саша?

– Мне кажется, ей здесь хорошо. И Ян опять же. Она последнее время вообще как-то ожила. И ради чего ей сговариваться с этими уродами?

– Может быть, Ян?

– Ну, он у нас недавно, конечно. И не со всеми сразу поладил. Но вообще он ничего. Футболки у него классные. С черепами, как я люблю. И музыку слушает правильную. Хотя я, конечно, слишком мало его знаю. Наверное, это надо у Евгения Михайловича спросить, он же его в школу брал. А что, – Дина мысленно попросила у Яна прощения, ну да ничего, выкрутится, – вы думаете, что он засланный? И Сашу тоже подговорил или заколдовал? Он ведь маг, вы знаете.

– Когда последний раз Саша и Ян отлучались куда-то вместе? – спросила Светлана.

⁴ Динка говорит о гибели Арины.

– Я за ними не слежу. Им бы это не понравилось, – Дине отчего-то нестерпимо захотелось показать «психологине» язык. – Но там, в Глинках⁵, мы все отлучались, может, и они тоже. Не стану врать, я не обратила внимания, могло быть. Меня после тех событий еще долго трясло.

– Страшно было?

– Вы не представляете! Вообразите – такой лес, как в ужастиках, деревья корявые...

– Я не о том, – Светлана мягко перебила девочку. – Когда тебя взяли в плен на озере, страшно было?

Дина едва не прикусила язык, вот же змея!

– Да, – сказала она. – То есть сначала да, когда я поняла, что меня схватили. А потом уже не очень.

Психолог удивленно подняла брови.

– Меня не били, не пытали, как я боялась сначала. Сносно, в общем, обращались... для военнопленного. А потом, я знала, что меня все равно спасут, вытащат оттуда. Вы же не бросили бы меня.

– Что ты рассказывала им о школе?

– Я говорила вам уже. Ничего. Да они особо и не расспрашивали, а я старалась их не злить. Всяко приятнее ждать, пока тебя спасут, на диване с ноутбуком, чем связанной в ванне, например. Они простые были, как Северин говорит, бойцы. Наверное, ждали кого-то поважнее.

– Ты вообще с ними не разговаривала?

– Я как раз пыталась: спрашивала, кто они и собираются ли просить за меня большой выкуп, но они не ответили. Ну и по мелочи – можно ли выйти в туалет и все такое. Ах да, сказала им, что они еще пожалеют о том, что меня захватили. И ведь, правда, пожалели. Вы бы видели, как их Северин одной левой раскидал! – Глаза у девочки заблестели, на щеках появился легкий румянец.

– Кстати, о Северине. Что ты скажешь о нем?

– С ним все ясно. Он им Ариной смерти никогда не простит, и на их месте я бы с ним старалась не встречаться. Плохо кончится.

– Что ж, – сказала Светлана, – спасибо. Ты можешь идти. Если вдруг вспомнишь что-то еще, приходи ко мне в любое время. Ну и вообще приходи, помни, что ты не одна.

– Конечно, не одна! – Девочка возмущенно уставилась на собеседницу. – Мы – команда!

⁵ Речь идет о событиях, описанных в книге «Ловец теней».

Глава 2

Моментальные снимки

День плавно перетек в вечер. Такой же дождливый, только еще более серый и скучный. Разговоры в библиотеке как-то сами собой стихли, и все разбрелись по своим комнатам. Динка, вернувшись к себе, двинула мышкой, пробуждая заснувший компьютер. На рабочем столе помещалась красивая фотография из WarCraft'a: рогатое чудовище с разинутой пастью и сверкающими инфернально-синими глазами – Король Хаоса собственной персоной.

Девочка, чтобы не оставаться в тишине, включила подборку музыки потяжелее, а сама зачем-то открыла папку с фотографиями. Их было немного, самые ценные – насупившаяся восьмилетняя Динка на крыльце школы. Тощая, настороженная, отчего-то напоминающая взъерошенную злую кошку. Только тронь – оцарапает. Она так и вела себя в те дни. «Не обижайтесь, прошло еще слишком мало времени», – говорил тогда ребятам Евгений Михайлович, имея в виду недавнюю аварию. Сейчас времени прошло уже достаточно, но ничего не изменилось. Боль не ослабела ни на грамм, Дина знала это точно.

Вот и следующая фотография – она на уроке за единственной на весь класс партой. Индивидуальное обучение, развитие персональных талантов и воспитание гармоничной личности. Кажется, они называют это так. На этом снимке Динка очень серьезная, но уже более спокойная, чем на первом. Здесь она уже приняла решение присматриваться и выжидать, хотя еще не знает всей горькой правды.

Вот она с Сашей, Северином и Глебом. Все трое кажутся беззаботными. Динка даже смеется. Какой-то мелкий школьный праздник. До страшного открытия осталось всего два дня.

На этом месте можно провести четкую жирную линию, в очередной раз отделив совершенно новый отрезок Динкиной жизни.

Ей еще и пятнадцати нет, а жизнь уже порезана, словно колбаса на прилавке.

Первый отрезок – жизнь с родителями.

Второй – от катастрофы до открытия.

Ну а третий идет сейчас, и только от самой Динки зависит, какой итог будет подведен.

Кстати, фотографии после страшного открытия ничем не отличаются от предыдущих. На всех она – то беззаботная, то смеющаяся, то хмурая – все такая же Динка, будто ничего не изменилось, будто она не стала совсем другим человеком. У нее не отросли рога, не вылез из спины костяной гребень вдоль всей линии позвоночника – внешне не изменилось ничего. Даже странно, учитывая то, какие изменения произошли внутри.

Девочка машинально прокрутила бегунок, просматривая фотографии. Вот первое тренировочное задание «русичей», с которого они привезли старый шаманский бубен, а заодно, кажется, и призрак самого шамана, шляющийся теперь за Глебом. Вот – пара снимков в летнем лагере. На одном из них в кадр попала девушка с распущенными длинными волосами золотисто-медового оттенка. Динка никогда не говорила Северину, что у нее есть этот снимок... Вот – усадьба Глинки, где они были на последнем задании...

Разные кадры, но среди них нет того, который Динка помнила до самых мельчайших подробностей. Стоило только закрыть глаза, и он отчетливо вставал перед ее внутренним взором: светловолосая, видимо, загорелая женщина в солнечных очках и рядом с ней темноволосый мужчина с восточными чертами. Явно не постановочный, случайный кадр. У женщины выбились из прически несколько прядей, футболка на мужчине совсем простая, синяя. Под фотографией подпись: «Двое ученых из Университета в Колорадо совершили революционное открытие в области альтернативных видов энергии».

Далее шла короткая статья, в нескольких словах говорящая о важности данного открытия, о горизонтах и будущем процветании Америки и всего мира. Имена ученых сообщались только вскользь – миссис и мистер Соул. Фамилия, разумеется, чужая. Раньше, в другой жизни, у них была другая фамилия...

Ни фотографии, ни статьи не найти в Динкиной подборке, но девочке не требовалось хранить, чтобы помнить. Каждая деталь, каждая вроде бы самая незначительная мелочь словно стояла перед глазами. И всякую ночь, ложась спать, Дина повторяла два слова: «Я помню».

– Я помню, – отозвалась девочка в такт собственным мыслям, но ее тихий голос потонул в грохоте музыки.

Хорошо, что устройство для чтения мыслей пока что можно найти только в фантастических книжках.

* * *

– Ну и что ты думаешь об этом задании?

Саша, не слышавшая тихих шагов за своей спиной, едва не выронила книгу.

Яну пришлось перехватить тяжелый том, положив свои руки на руки девушки. В ту секунду, когда их пальцы соприкоснулись, оба вздрогнули. Они еще не привыкли друг к другу, и каждое случайное прикосновение действовало не хуже разряда тока.

– Мне кажется, найти гусли будет сложно, – сказала Александра, не отходя от Яна. – Пока что никаких зацепок, кроме легенд, к тому же таких старых, что их смысл давно исказился.

– Я не об этом.

От рук Яна шло живое тепло, согревавшее ее холодные пальцы. Надо же, Саша и не заметила, как замерзла. Вернее, она почувствовала это только сейчас. И наверняка именно из-за того, что она замерзла, так приятно стоять возле Яна. Только вот мысли почему-то плавают, словно забытая на открытом солнце шоколадка. Кажется, Ян о чем-то спрашивал. Нужно собраться, ведь логика и отстраненность – главные ее помощники во всех жизненных ситуациях. Она привыкла на них полагаться.

– Поясни, пожалуйста, – Александра немного отодвинулась, чтобы вернуть голове ясность.

Ян сделал вид, будто не заметил ее маневра, сел на подлокотник кресла. Девушка осталась у книжного стеллажа, еще острее чувствуя холод этого дождливого вечера. Почему для нее все непросто? Что не дает ей подойти к Яну, прильнуть к его плечу? Почему этот проклятый внутренний стержень заставляет держать спину прямо?

– Я имею в виду слова Глеба, – отозвался парень, глядя на нее из-под густой челки.

В библиотеке царил полумрак – Саша не любила центрального слишком яркого освещения и часто включала лишь светильник, расположенный непосредственно у книжных полок. Ян, как всегда, одетый в черное, терялся в этом сумраке, словно был тенью. Девушке вдруг показалось, что он далеко-далеко, за тридесять земель от нее.

Ну вот, она опять задумалась не о том. Ян спросил ее о Глебе.

– Ты думаешь, что Глеб сомневается... – Она не договорила, потому что Ян кивнул.

– Именно так я и думаю. Более того, у меня имеются и другие мысли, – добавил парень многозначительно.

Александра молчала.

Ей самой казались странными объяснения директора в отношении предателя. То есть в первый момент, услышав, что среди «русичей» предателя нет, она, конечно, ужасно обрадовалась – с души словно свалился тяжелый камень. Но потом, лежа в кровати, Саша долго не могла уснуть. Что-то упорно не давало ей покоя. По словам Евгения Михайловича, все выходило как-то слишком легко. К тому же как охранник мог узнать о тех вещах, которые они не обсуждали

в школе? Эти мысли бесконечно крутились в голове и долгое время мучили Александру, хотя девушка и не решилась делиться ими ни с кем. Даже думать о таком нельзя! Самое главное для их группы – доверие! Да и кто может желать друзьям зла: Глеб? Северин? Динка? «...Или не желать; возможно, у него есть свои, пусть неправильные, но резоны», – подумала девушка, но тут же встряхнула головой, отгоняя опасные мысли.

– Нам поручили новое задание, а значит, Евгений Михайлович не сомневается, что предатель найден, – привела Александра основной, на ее взгляд, аргумент.

Но Ян покачал головой, и Саша скорее не разглядела, а почувствовала, что он улыбается.

– Не обязательно. Это может быть просто проверка. Или битва на выживание. Знаешь, есть такой метод – при сомнениях в человеке бросить его в экстремальные условия...

Саша шагнула к креслу и остановилась прямо напротив сидящего Яна.

– Ты у нас новенький, – произнесла она четко, – и, наверное, плохо знаешь и нас, и Евгения Михайловича. Ты говоришь то, чего быть не может!

И под ее напором Ян смутился, опустил голову.

– Может быть, и так, – неохотно согласился он. – Ладно, думаю, скоро мы сами все узнаем.

* * *

Евгений Михайлович был мрачен. Он молча указал Глебу на стул напротив директорского стола и продолжил перебирать бумаги. «Лучше бы устроил разнос», – подумал Глеб. Сейчас и допросы с целью выявить возможного предателя, которые проводили приглашенные директором специалисты, и проверка на детекторе лжи показались ему не стоящей внимания ерундой.

Некоторое время спустя, когда молчание и напряженная давящая атмосфера в кабинете стали казаться совсем уж невыносимыми, Евгений Михайлович протянул Глебу несколько листов бумаги.

– Вот, – сказал он, – помнишь, некоторое время тому назад ты решил не говорить мне об Арине, подумал, что так будет лучше для Северина. Решил, что это может ранить его чувства. В результате девушка погибла, жизни всех участников группы и экспедиция в целом были поставлены под удар, а мы едва не потеряли Северина. То, что он вернулся, отнюдь не твоя личная заслуга. Но ты даже после этого не смог сделать правильные выводы. Ты, даже не попытавшись связаться со мной, решил уйти из Китежа, оставив икону, – продолжил директор. – Экспедиция сорвалась, весь риск, все усилия ребят, да и то, что сделали мы, чтобы отправить вас туда, оказались напрасными. А ведь за тот колокольчик наши люди и соответственно ваши товарищи по оружию заплатили жизнями.

Глеб молчал, что тут было говорить. Он почувствовал, что допущенные им ошибки и промахи темной громадой наваливаются на него, сдавливая грудь.

– В Монино ты знал, что ваш пленник чрезвычайно ценен, но и чрезвычайно опасен. Знал или наверняка догадывался, что среди вас есть предатель. И тем не менее оставил пленника без присмотра. Хотя, думаю, и сам бы на его месте смог избавиться от веревок, а уж тем более с помощником. Растерялся, критически недооценил противника, – подвел итог директор. – Почему?

– Я... – Глебу казалось, что горло у него было забито песком, – я прошу отстранить меня от руководства группой и готов понести заслуженное наказание.

– Разумеется, – кивнул директор, – наказание ты заслужил и понесешь его. Заслужил ты и исключение из группы. Что ж, наверное, придется возглавить «русичей» кому-то другому, Саше или Северину. – Он задумался. – А может быть, Дине или Яну? Но ты не ответил на мой вопрос. Почему все это произошло? Оправдания в стиле «виноват, недоглядел» оставь, пожалуйста, для детского сада. У всякого события есть причина. И я хочу услышать твой ответ.

– Они не справятся, – сказал Глеб, с трудом проталкивая слова сквозь пересохшее горло. – Их готовили для другого.

– Верно, – согласился Евгений Михайлович, – у каждого из вас своя область деятельности, и именно под нее мы готовили каждого из вас. Руководить группой готовили тебя. Стало быть, придется распустить «русичей» или, по крайней мере, приостановить проект на годы. Нового лидера быстро не подготовишь. Столько лет насмарку! – Он прикрыл глаза как будто от приступа сильно боли.

Глеб готов был сквозь землю провалиться. Если бы директор сейчас достал пистолет и предложил Глебу прервать затянувшуюся муку, тот выстрелил бы себе в висок без колебаний. Так, пожалуй, оказалось бы легче.

Да, конечно, он подвел всех, но поставить под угрозу все дело, распустить «русичей»! Что он скажет Саше, Северину, Динке, как объяснит все это? Его мрачные мысли прервал голос Евгения Михайловича.

– И все же я хотел бы получить ответ на свой вопрос.

Глеб задумался, как же так вышло, ведь он старался поступать правильно, делал то, что считал нужным и правильным.

– Если тебе так проще, начни с первого случая, – сказал директор.

Почему он тогда не рассказал про Арину? Счел, что это личная тайна Северина? Не захотел подставлять ее под удар? Потому что и сам Глеб предпочитал молчать об Ольге!

– Ольга, – произнес он.

Евгений Михайлович довольно кивнул. Так же, как когда-то давно, когда он еще сам занимался с Глебом и был доволен ответами своего ученика.

– Верно, ты не рассказал мне об Ольге, а потому не видел причин рассказывать и об Арине. И от чего вы, молодежь, считаете нас, старшее поколение, ограниченными и ничего не понимающими в некоторых областях жизни людьми?..

– Я вовсе не... – Глеб попытался возразить, но директор его остановил:

– Считаете, иначе ты не видел бы причин скрывать Ольгу. А дальше все просто. Ты допустил ошибку сам, и потому позволил совершить ее своему подчиненному. Все это: и твои чувства к девушке, и беспокойство за нее, и необходимость скрывать ваши отношения – заняло твои мысли, поглотило тебя. Ты стал меньше внимания обращать на дело, которым вы занимаетесь, на порученную тебе группу. А ведь руководитель должен знать о своих людях все: о чем они думают, чем дышат, о чем мечтают, что им снится, наконец. Но тебе было не до того. Вероятно, так ты и пропустил предателя. Ведь идеальных шпионов не бывает. Охранник наверняка допускал какие-то ошибки, спрашивал о чем-то, более внимательный человек, чем ты, обратил бы на это внимание. Да и другие промахи в принятии решений стали нарастать как снежный ком. И теперь передо мной стоит вопрос о роспуске группы. Все великое начинает рушиться из-за мелочей.

Глеб попытался вспомнить, как же вел себя тот охранник. Спрашивал ли он о чем-то? Кажется, да. Но Евгений Михайлович прав. Глебу было не до того. Главное, чтобы получилось помириться с Ольгой.

– Ты лично виноват в неудачах группы. Я все обдумал и решил. Наказание тебе будет такое: ты продолжаешь руководить «русичами», сознание того факта, что ты едва не погубил всех своих товарищей, разбил надежды Северина на счастье, и станет тебе наказанием. Кроме того, мне удалось убедить полковника Полякова, что дружба с тобой не опасна для его дочери. Но, сам понимаешь, если ты продолжишь совершать ошибки...

Глеб не верил своим ушам.

– То есть вы... Вы не против?..

– Да, я в целом одобряю твой выбор, Оля Полякова – хорошая девушка. Ее отец патриот и честный человек. Твоя главная ошибка в том, что ты не рассказал мне об Ольге. Пускай и руководствуясь ложными благими намерениями.

– Я согласен, – сказал Глеб.

– Хорошо, – Евгений Михайлович пристально посмотрел ему в глаза. – И запомни, запомни раз и навсегда. Единственно возможный способ помочь тебе или кому-то из ребят в сложной ситуации, защитить ваших близких – не утаивать от меня ничего. Ты получил это знание дорогой ценой, но надеюсь, урок пойдет впрок. А теперь иди. – Директор снова поморщился. – И помни: я не прощаю тебе ни случившееся с Северином, ни ваших неудач, пока тебе не удастся хоть сколь-нибудь исправить положение и вернуть мое доверие.

– Я сделаю все, что смогу, – сказал Глеб, вместе со стыдом чувствуя глубокую и искреннюю благодарность к Евгению Михайловичу, который сумел если не простить, то хотя бы понять своего провинившегося ученика. И он сможет. Он окажется достоин доверия.

Директор окликнул его уже у двери:

– Кстати, по завершении вашей экспедиции я жду тебя с подробными и развернутыми характеристиками на всех ребят, психологическими профилями и тому подобным – это будет для тебя полезным упражнением.

Глава 3

Маршрут проложен

Через несколько дней «русичи» вновь собрались в библиотеке. По имеющимся сведениям, гусли некогда принадлежали знаменитому иудейскому царю Давиду, затем долгое время покоились на дне морском, пока не перешли от Морского царя к Садко. Итак, начать поиски гуслей нужно с былин о Садко. Прежде всего определить море, которое фигурирует в повествовании.

– С какого моря начнем? – спросил Северин. – Наши предки много где плавали.

– Вариантов на самом деле не так много, – Александра отложила в сторону пачку распечаток. – Новгородцы, конечно, плавали и в Черное, и в Каспийское моря. Но туда они проникали, как правило, спускаясь от Новгорода по рекам, далее волоком до Волги или Днепра. А Садко, если, конечно, мы верим былине, возвращался домой по морю. Так что остается только Балтика.

– Жаль, – вздохнула Динка, – съездили бы на Черное море, отдохнули заодно.

– На Балтийском море тоже неплохо, – заметил Глеб. – Значит, начнем искать там. Ян, откуда нам проще будет попасть в подводное царство? Нужно какое-то особое место или подойдет любое побережье?

Ян сидел, почти утонув в глубоком кресле между двумя высокими стеллажами, тени от шкафов и густые июньские сумерки делали его почти невидимым в его темной одежде, как будто маг хотел от кого-то спрятаться.

– Во-первых, не нам, а мне, – быстро и немного резко откликнулся Ян. Переждав бурю возмущенных возгласов и недоуменных взглядов, он продолжил: – Я подумал и решил, что лучше мне будет отправиться к Морскому царю одному.

– Ян, – сказал Глеб, – я понимаю, что возможно, после Китежа у тебя сложилось не лучшее мнение о группе. Но мы потому и команда, что действуем вместе. И вместе мы сильнее.

– И это тоже, – Ян поднялся и подошел к столу, вокруг которого сидели ребята. – Просто каждый из нас сильнее на своем поле. Морские создания очень хорошо влияют на разум. Я не смогу защитить от их чар всю группу. К тому же, много сил уйдет на раскрытие врат. А еще вспомните, во многих легендах говорится, что на дне морском любят гостей, но очень не любят выпускать их оттуда. Как Садко, например. Морской царь почти наверняка захочет, чтобы неожиданные визитеры погостили у него подольше. В общем, если что-то пойдет не так, мне будет легче уйти одному. А вы меня подстрахуйте. Неизвестно, в каком виде я выберусь из воды. Вот тогда мне действительно может потребоваться помощь.

– Хорошо, – согласился Глеб после некоторого раздумья. – Мне не нравится эта идея, но у меня нет конкретных возражений.

– Садко ведь выбрался, – возразила Саша, – а он не был магом.

– Он был высокоуровневым бардом, – встряла Динка, – и мог, похоже, кого угодно очаровать. А еще ему помогли, рассказали, что делать.

– Кстати, мне будет гораздо проще выбраться, если на суше у меня останутся неоконченные дела, – добавил Ян, – например, кое-кому я одолжил одну вещь... Очень важно за ней вернуться. – Он криво усмехнулся. – В общем, я оказался бы очень вам признателен, если бы вы подождали меня на берегу.

– А что ты скажешь Морскому царю? Как убедишь его отдать гусли? – поинтересовалась Александра.

– Обаяю, и он еще будет умолять меня, дорогого гостя, принять этот скромный дар, – Ян горделиво приосанился, но, наткнувшись на укоризненный взгляд Саши, тут же сбавил

обороты. – Что, и пошутить уже нельзя? Да ладно, разберусь по обстановке. Ему явно скучно на своем дне. Вот и Садко на гусях заставил играть от скуки, а потом, заметим, сам же пожалел. Вот и я его заболтаю. В общем, на чем-нибудь договоримся!

– Главное, не женись там на морской царевне! – хихикнула Динка. – Обаятельный ты наш!

– Очень она мне нужна! – Ян многозначительно покосился на Александру, а та сохраняла совершенно невозмутимое выражение лица. Динка ей даже позавидовала. Ей бы самой такое самообладание!

– Так что с отправной точкой? – поспешил вернуться к предыдущей теме обсуждения Глеб.

– Конечно, подойдет любое побережье, – продолжил Ян, – но лучше бы какое-нибудь сильное место. Ну, если где-то на берегу было, например, языческое святилище, капище там или что-то подобное. Наверняка жрецы народов, живших на побережье, не только приносили жертвы Морскому царю, но и просили у него взамен для себя всякие блага. А лучший способ быть услышанным – это подойти и попросить. В таких местах как бы тропинка натоптанная. По ней идти проще.

Саша с Глебом переглянулись и почти одновременно выдохнули:

– Аркона!

Дина вопросительно посмотрела на товарищей.

– Может, кто-нибудь объяснит темному невежественному технарю, что это такое?

– Группа есть такая, – сказал Северин.

– Это место на острове Рюген, как раз в Балтийском море, – начала рассказ Александра. – Там было крупнейшее и наиболее важное славянское святилище. Языческое, разумеется.

– Священное место, как Иерусалим для христиан, – дополнил Глеб, – туда ездили в паломничество или за советом в трудной ситуации. Славянские племена Германии, Польши и Прибалтики платили дань на содержание святилища. Жители Арконы были так богаты, что не занимались земледелием, а жили собранной данью, рыболовством и военными походами. Хотя пахать на острове, действительно, не очень, он довольно болотистый, а тогда еще и был весь покрыт лесом. Святилище построили грандиозное. В него входило несколько храмов. Основным считался храм Световита, которого славяне считали главным из богов. Они молились его кумиру⁶, у которого было четыре головы. Световита символизировали разные знаки, в частности, резные орлы и знамена, главное из которых называлось Станица... В то время власть этого небольшого куска полотна была сильнее княжеской власти.

– Жалко, что все это не сохранилось, интересно бы посмотреть, – заметила Динка. – Похоже на фэнтези. И почему сейчас такого нет? Четыре головы – это круто.

– Считается, что это символизировало власть бога над четырьмя сторонами света и четырьмя сезонами года, – ответила Саша.

– Кстати, что стало с идолом потом? – вмешался Ян. – Жрецы и жители в едином порыве приняли христианство?

– Не совсем так, – снова вступил в рассказ Глеб, – святилище было очень богато, а в то время это вызывало повышенный интерес соседей. Рюане, или руги, так называлось славянское племя, населявшее остров, славились своей воинственностью и долгое время не только давали отпор всем желающим ограбить святое место, но и ходили в ответные походы. Однако со временем все больше окрестных племен и правителей принимали христианство. Аркона оказалась окружена по сути враждебными землями. Конечно, славяне не посягнули бы на святилище, но не только их манили эти земли. В тысяча сто шестьдесят восьмом году датский король Валь-

⁶ **Кумир** – устаревшее название скульптурного изображения, часто употребляется в значении «идол», «истукан» при описании религиозного культа.

демар Первый, предшественники которого платили дань Арконе, собрал огромное войско и высадился на остров. Ярмар, местный князь не стал сражаться с захватчиками, а напротив, признал себя его вассалом.

– Чего это он?! – удивился Северин.

– В Арконе власть князя была сильно ограничена жрецами и вечем, народным собранием, по сути, князь был просто верховным военачальником. А он хотел править единолично, потому и пошел на сговор с врагами и предательство. Многие жители острова встали на защиту родных богов, и у святилища был свой отряд воинов, но не слишком большой. Силы оказались неравны, и Аркона после тяжелой осады и нескольких штурмов пала. Многие жители тогда погибли или бежали с острова. Но, несмотря на это, память о священном месте осталась. Славяне называли остров Рюген Буяном или Руяном, по названию местного племени. Именно к нему, как месту сосредоточия священной силы, обращались в заговорах колдуны и знахари. Слышали зачин: «На море-океане, на острове Буяне»? Есть гипотеза, что под названием священного белого камня Алатырь⁷ имелся в виду янтарь, которого на Рюгене немало и которому паломники, увозя его с собой из святилища, приписывали магические свойства.

– Сволочь он, а не князь, – сказал Северин с чувством. – А на месте святилища небось выстроили церковь?

– Тогда был такой обычай, – подтвердил Глеб, – и действительно построили, однако простояла церковь недолго – ее поглотило море.

– Морские боги – они такие, чужого не потерпят! – хихикнула Динка.

– Возможно, это как раз подтверждает то, что место для нас подходящее. Сейчас это что-то вроде исторического памятника под открытым небом. Хотя остался только изрядно заплывший вал. А род князей Арконы пресекся позднее. Остров попал под власть немецких императоров, и население со временем онемечилось. Сейчас это территория Германии.

– Чувствую, место подходящее, – кивнул Ян, поднимаясь из кресла. – Ну что, попросим нашего дорогого директора сделать нам визы?..

* * *

Над Москвой разливалось зарево заката. Свет солнца окрасил город в красноватые тона, заставил полыхать огнем реку. Глеб и Ольга стояли на Большом Каменном мосту.

– Как красиво и, вместе с тем, страшновато, как будто весь мир горит. – Девушка крепче прижалась к своему спутнику.

– Да, древние верили, что мир может погибнуть от огня, но потом обязательно возродится. Я вот тоже думал, что навсегда тебя потерял. Какой же я был дурак, что не рассказал тебе все сразу. – Глеб посмотрел на нее.

Это правда: есть люди, которым ты можешь и должен рассказать все, потому что они поймут и не обманут, не предадут. Это так же абсурдно, как если бы ты сам себя предал. Ведь вы единое целое. Две половинки.

– Я тоже думала, что никогда тебя не увижу. Это было... – она задумалась, подбирая слова, – так страшно. Ладно, давай не будем об этом. Ты скоро уедешь?

– Да, но не очень надолго, я думаю. На несколько недель, может, на месяц. Но как бы то ни было, я обязательно к тебе вернусь. Я никогда больше тебя не оставляю.

Они неспеша двинулись в сторону Яузы.

– Ты будешь звонить? – спросила она.

– Обязательно! Как только смогу.

⁷ Алатырь – священный камень, располагающийся в центре мира. Часто упоминается в произведениях древнерусской книжности и в магических заговорах русской традиции.

Ольга доверчиво вложила свою руку в его, и Глеб заметил, что в ее пальцах что-то блеснуло. Парень быстро подхватил руку девушки. Она многозначительно посмотрела на него.

– Ты помнишь?

– Как я мог забыть! – Небольшая монетка уютно устроилась в переплетении их пальцев. – Наше счастье с нами, когда наши руки соединены.

У входа на Болотную площадь расположился лоток под полосатым зонтом.

– Хочу мороженого, – немного капризно сказала Ольга.

И Глеб бегом бросился к прилавку.

Мороженщица, немолодая усталая женщина, уже закрывала палатку и складывала большой, вылинявший на солнце зонтик, расписанный какими-то пляжными мотивами и рекламой популярного напитка.

– Закрыто, закрыто, – ворчливо сказала она. Но, видно, заметила что-то в лице Глеба. Она бросила взгляд на него, на хрупкую фигурку Ольги неподалеку и протянула два вафельных стаканчика. Морщины на ее лице разгладились, и Глеб понял, что когда-то она была очень красива.

– Счастья вам, ребята, – сказала женщина.

– Спасибо, – с чувством поблагодарил Глеб.

Он шел, и ему казалось, что стоит чуть подпрыгнуть, и он взлетит. В теле ощущалась необычайная легкость. Закатный свет не только не опалял его, но как будто наполнял силой и энергией.

Влюбленные до поздних сумерек гуляли по городу. Ели мороженое, украдкой целовались среди цветущих кустов жасмина, потом сидели в кафе. И Глеб замечал, как глаза Ольги, когда она обращается к нему, будто наполняются светом.

А может, это и есть награда за все наши дела. Да! Лучшая из возможных! Если ты живешь достойно, делаешь все правильно, то и сама жизнь идет к тебе навстречу. И сияющие глаза любимой гораздо лучше всех похвал, всех пышных и, в сущности, бестолковых слов.

Уже почти стемнело, когда Глеб довез Ольгу до подъезда.

– Погоди, а твои родители? Они теперь не против, что ты встречаешься со мной? – спросил парень.

– Папа сначала ужасно злился. Но потом к нему приехал один из его друзей, дядя Вася. На самом деле он Василий Александрович, и генерал. Но я его с детства знаю. Они говорили на кухне, наверное, час. Говорили о тебе. Я не слушала, конечно, но из обрывков разговора кое-что поняла. Вы что-то вроде агентов «007»? Надежда и опора, и все такое. В общем, теперь папа не против.

– Я... – начал Глеб.

Но Ольга улыбнулась и прижала палец к его губам:

– Не можешь – не говори, я понимаю, что это такое, папа ведь тоже служит. Но знай, я рада, что ты делаешь настоящее и важное дело. И я горжусь, что у меня такой парень.

Они снова поцеловались. Проводив Ольгу, Глеб долго стоял во дворе глядя на ее окна. Вот загорелся свет, вот за шторой мелькнул стройный силуэт девушки. На душе было удивительно легко и спокойно.

Он посмотрел на часы. Пора возвращаться в школу. Его ждут дела, и стоит поторопиться. Поторопиться уехать, чтобы скорее вернуться.

Глава 4

От горизонта до горизонта

На получение шенгенских виз ушла неделя. Все это время ребята усиленно готовились к путешествию. Александра и Глеб почти все время проводили в библиотеке. Правда, каждый вечер Глеб садился на мотоцикл и ехал в Москву. Все знали, куда, вернее, к кому он ездит, но раз уж Евгений Михайлович позволил это фактически официально, кто же возразит.

Динка в эти дни тоже занималась сбором информации и вяло отбивалась от Саши, которой вдруг вздумалось заняться ее культурным образованием. А начиналось все совершенно безобидно.

Динка сидела в любимом WarCraft'e, когда в ее комнату постучали.

– К тебе можно? – послышался из-за двери голос Александры.

– Проходи, не заперто, – откликнулась девочка, даже не потрудившись закрыть окно с игрой. Все равно Саша, во-первых, и так знает о Динкином увлечении, а во-вторых, не поймет тайного смысла производимых Динкой операций. Понять их может только тот, кто знает секретный код, а знает его, кроме Дины, лишь один-единственный человек, сидящий сейчас за компьютером в одном из спальных районов Москвы.

Тем не менее гостя неодобрительно взглянула на монитор.

– Я поняла, что мы не правы в отношении тебя, – сказала Александра, подойдя к столу и загородив от девочки экран.

Динка напряглась. Ей очень не понравилось начало и прозвучавший в нем намек.

– Ты о чем? – спросила она беспечно, инстинктивно немного отъехав на своем кресле от стола.

– О том, что у тебя выходит очень однобокое образование. Конечно, ты превосходный специалист, и Евгений Михайлович позволяет тебе делать что угодно. И ты целыми днями сидишь в виртуальном пространстве, а когда не занимаешься делами, то играешь.

Ну, это не страшно. Динка с облегчением перевела дух.

– Каждый отдыхает как ему нравится, – заявила она, накручивая на палец кончик косички. – Даже в казармах можно выбирать для себя занятие в свободное время. А у нас, надеюсь, не казарма и не концлагерь. Ты вот тоже читаешь, вместо того чтобы тренироваться на беговой дорожке или упражняться в стрельбе.

– Ну, этим я тоже занимаюсь...

Динка мысленно приняла боевую стойку: Саша начала оправдываться, а значит, находится в слабой позиции. Это хорошо. И, конечно, приятно.

– И вообще, – продолжила девочка, желая ошеломить собеседницу и одержать окончательную сокрушительную победу, – как у тебя с математикой? Мне кажется или для всестороннего развития твоей личности тебе нужно больше времени уделять точным наукам?

Она ожидала, что Александра смутится, но та вдруг улыбнулась.

– Вижу, наш психолог Светлана может быть тобой довольна, – Саша осторожно присела на край стола. – Но не старайся, со мной этот номер не пройдет. Я решила, что сама возьмусь за тебя. Завтра же, пока еще есть время до отъезда, идем в музей.

Лицо у Динки вытянулось.

– В какой это музей? Зачем? – подозрительно спросила она.

– Для начала – в Музей изобразительных искусств имени Пушкина. Для воспитания в тебе художественного чувства.

Динка присвистнула.

– Ну, чтобы воспитывать это самое чувство, не обязательно куда-то идти. Ну-ка подвинься, – велела она Александре.

– Зачем? – удивилась та.

– Сейчас увидишь!

Динка пару раз щелкнула мышью и загрузила новую страницу.

– Вот! – заявила она с гордостью. – И зачем куда-то идти в наш век прогрессивных технологий? Все музеи давным-давно обзавелись виртуальными галереями. Вот тебе, пожалуйста, 3D-моделирование. Виртуальная прогулка, как будто на самом деле по залам ходишь. Хочешь ты, скажем, посмотреть искусство Италии семнадцатых-восемнадцатых веков – пожалуйста! Вот тебе «Мадонна со святыми ангелами» Андреа Бонаюти, вот «Бичевание Христа»! Иди куда угодно, смотри что хочешь, приближай и разглядывай каждую картину сколько тебе влезет. И при этом не вылезая из кресла, не платя за вход и не толкаясь в толпе! По-моему, сплошные достоинства!

– Ты не права, – Саша упрямо покачала головой. – Смотреть с монитора вовсе не то же самое, что видеть живую. У таких шедевров есть мощная энергетика, ее не передадут никакие фотографии.

– Подумаешь! – Динка засмеялась. – «Энергетика»! Это ты у Яна таких словечек набралась? Какой энергетике тебе захотелось? У Софии Китежской тоже была своя мощная энергетика. Вещей с такой энергетикой мало, они называются артефактами, и мы за ними охотимся для Евгения Михайловича!

– Не для Евгения Михайловича, – строго поправила ее Александра. – Помнишь, мы смотрели передачу, где президент сказал спасибо молодым и отважным исследователям и изыскателям за их работу, важную и полезную для всего государства?

– Как же не помнить! – хмыкнула девочка. – Вы все после нее едва коленки не порасшибали – так носы задирали, что и вовсе перестали под ноги смотреть. И вовсе не факт, что он говорил именно о нас! Ты слышала свое имя? А может быть, имя Северина или Глеба?..

– Дина! – Саша от возмущения встала. – Ты знаешь, что мы работаем под большим секретом и никто не стал бы называть наши имена в эфире!

– Конечно, под большим секретом, – Динка закинула косу за спину. – О котором все, кто хочет, и без того знают! А что мы знаем о том, что в действительности происходит с найденными нами предметами? Давно ты видела Велесову книгу? А секиру Перуна? А Брюсов календарь? Вот их-то ни в каком виртуальном музее не увидишь!

– Ты болтаешь чушь, – проговорила Саша очень сухо.

– И что? Пойдешь доложишь директору? Скатертью дорожка! – Динка скорчила рожу.

Саша не ответила. Только смерила ее внимательным взглядом и вышла из комнаты.

«Так, первый раунд сыгран», – подумала девочка.

Она встала из кресла, подошла к полке и достала из-за книг маленькую плюшевую собачку, очень старую, со свалывшейся грязной шерстью. Эта игрушка – единственное, что сохранилось у нее из детства. С той поры, когда у Дины еще было детство. Эта игрушка оказалась с ней и в тот день, когда произошла катастрофа, ее Динка прижимала к груди, лежа в больнице и оправляясь от посттравматического шока. О, эта собачка знала очень, очень много.

Сейчас Динке уже пятнадцатый год, пора позабыть про игрушки. Но в том-то и дело, что Щенок не был игрушкой – он давным-давно стал символом. Того, что она потеряла... Нет, не так. Того, что у нее жестоко отняли.

– Мы с тобой сильные, – Динка поцеловала своего самого близкого друга в потертый кожаный нос. – А еще умные и умеем ждать.

Все еще прижимая игрушку к себе, девочка запустила программу, подключилась к записывающей камере и аккуратно заменила кусок разговора с Сашей на другой, совершенно безобидный. Все школьные системы записи и охраны она знала лучше чем свои пять пальцев, даже

те хитрые ловушечки, что появились здесь уже после того, как Евгений Михайлович давал ей повозиться с системой.

* * *

За остающееся до отъезда время Александра еще пыталась повлиять на Динкино саморазвитие, но так же тщетно. Однажды даже подослала к ней Яна, и, когда тот не вернулся с этого ответственного задания через два часа, обеспокоенная, заглянула в комнату и застала воистину ужасное зрелище: Динка и Ян самозабвенно резались в Lineage⁸.

– Саша?.. – с явным неудовольствием оторвался от компьютера Ян. – Будешь с нами?

– Не понимаю, что с Диной, – жаловалась потом Александра Глебу. – Ей уже почти пятнадцать, пора бы повзрослеть, а она ведет себя словно маленькая девочка. Как специально!

– Синдром младшего в группе, – пробормотал Глеб, не отрываясь от разглядывания карты – Саша нашла его в библиотеке, где Глеб, подходивший ко всему ответственно, проверял маршрут движения группы и изучал Балтийское побережье.

– Что ты сказал? – переспросила девушка, остановившись перед ним и загородив другу свет.

Глеб с некоторой досадой поднял на нее взгляд.

– Ну как ты не понимаешь, – он пожал плечами, – она привыкла быть среди нас младшей – спонтанной, безответственной – и это ей очень нравится. То есть Дина, конечно, возмущается, кричит, что она не маленькая, а на деле... Ты же видишь!

Александра задумалась. Похоже, Глеб совершенно прав. Динка культивировала роль младшей и вела себя как девчонка, несмотря на собственное возмущение и крики про возрастную дискриминацию.

– Она не желает принимать решения. Хочет казаться маленькой и безответственной, – сообщил Глеб. – Мол, с меня взятки гладки.

– И зачем она это делает? – Саша подвинула тяжелый деревянный стул и села рядом с Глебом.

– Затем же, зачем и ты старательно держала себя в руках. Потому что, несмотря ни на что, еще не могла доверять людям. А еще она почти демонстративно боится ответственности. Но я надеюсь, что со временем это пройдет. У тебя же проходит.

Александра усмехнулась. Чтобы измениться, ей пришлось пройти через смерть. Оставалось надеяться, что Динке не придется столкнуться с подобными испытаниями.

– Она, на самом деле, сильная. Она справится. И все эти игры, инфантилизм пройдут. Я знаю, надо только дать ей время, – произнес Глеб, глядя на Сашу.

Она кивнула. Дай бог. И дай бог, чтобы случилось это как можно безболезненнее.

* * *

Тем временем Глеб серьезно готовился к экспедиции. Наверное, в сотый раз перечитывал уже отобранные материалы, проверял и перепроверял списки необходимых вещей и оборудования. Он обещал Евгению Михайловичу и, что самое главное, себе, и не должен допустить промаха.

Как-то вечером он вернулся в свою комнату едва не падая с ног от усталости и сразу повалился на кровать, но вздрогнул от деликатного покашливания, доносящегося из угла комнаты.

⁸ **Линейка** – фэнтезийная массовая многопользовательская ролевая интернет-игра.

Парень поспешно вскочил и, наконец, заметил темный силуэт. Старый шаман! Вот уж не ждали! Что-то его давно не было!

– Ай-ай-ай, – покачал головой старик, и Глеб услышал, как стукнулись костяные фигурки у него на косичках... странно, призрак стал как будто еще более материальным, – не жалеешь ты себя, молодой шаман, совсем не жалеешь! Так и все, пока живые, спешат, бегут куда-то. А куда бегут? Свое дело ли делают? Тех ли слушают? Нет времени! Бегут, бегут...

Философствования призрака – это, наверное, последнее, что был готов слушать сейчас Глеб.

– Это все? – спросил он, зевая.

– Кто закрывает свой слух, тот не слышит, сколько ему ни говори, однако, – сказал шаман, поднимаясь с корточек. – Попрощаться я пришел.

– То есть как попрощаться? – удивился Глеб. Он уже привык к появлениям старого шамана, порой едва выносимого из-за вечного брзжания и непонятных полунамеков, однако иногда весьма полезного.

– А так, молодой шаман, что не дело мне за тобой все время ходить-бродить. У тебя своя дорога, и сейчас стоишь ты прямиком на развилочке. Сам и решай, куда путь держать.

По крайней мере, манера изъясняться у старика осталась прежняя. Только нарочитого косноязычия прибавилось.

– Не хочешь объяснить нормально, не объясняй, – пожал плечами парень. Если старик хочет, чтобы Глеб принял его умолять, то он просчитался. – Но как же ты сам? Ян говорил, что тебе моя энергия нужна для существования.

– Эх! – Шаман хлопнул себя по коленям, закрытым длинной вышитой бусинами и сложными узорами паркой⁹. – Сильный он шаман, но еще молодой, глупый, раз не знает, что течет, течет себе река, а потом, глядишь, и морем станет.

– В общем, – подвел итог Глеб, опять зевнув, – тебе больше моя энергия не требуется, и ты решил сам по миру поскитаться.

– Решил, однако, – хитро прищурился старый шаман. – Надо мир посмотреть. Большой он, широкий, однако! Всегда глаза открытыми держать стоит. И молодому шаману тоже!

Сказал – и пропал, словно его и не было.

Ну вот, навел мути, усердно намекал на что-то, а на что – непонятно.

Ладно, не в этом сейчас дело. Сперва – задание, а потом, может, и проявятся странные намеки. Нет, сперва – спать!

* * *

И вот, наконец, пришло время собирать чемоданы.

Динке особо и собирать было нечего – инструменты и всякие примочки, в отличие от одежды, всегда хранились в идеальном порядке – бери и пользуйся, «take&play» называла эту систему сама Динка. Из сменных вещей ей потребовалась одна футболка, белье и купальник. Оглядев огромный рюкзак с техникой и крохотный полиэтиленовый пакет с вещами, помещенный наверх этого рюкзака, девочка осталась довольна. Единственной вещью без ярко выраженного функционального назначения в ее багаже была все та же плюшевая собачка.

– Посмотрим, что за Аркона такая, – сказала девочка плюшевому другу, поудобнее устраивая его в рюкзаке. – Забавно, если там и вправду прямая линия с богами. Звонишь какому-нибудь богу на мобильник и говоришь ему все, что тебя не устраивает.

Щенок не ответил, глядя на Динку разноцветными пуговичными глазками. Была у него такая особенность – один глаз из светло-коричневой пуговицы, другой из черной. Когда Динка

⁹ Парка – удлиненная меховая куртка, как правило, с капюшоном, традиционная одежда народов Севера.

заметила это, после того как Щенок был вручен ей в качестве дополнения к плейстейшену, мама порывалась отнести игрушку обратно в магазин. Девочка ее остановила, но не потому, что сразу привязалась к смешному и немного ущербному существу, скорее из равнодушия. Игрушка не произвела на нее никакого впечатления и некоторое время пылилась на полке.

– Ты меня не любишь, гав-гав? – спрашивала мама за собачку дурашливым голосом. – Я такая хорошая, умная собачка! Правда? Гав-гав!

Динка, поднимая взгляд от очередной игры, смотрела на это представление со сдержанной снисходительностью.

– Мам, – не выдерживая, напоминала она наконец, – я уже большая.

В тот день, когда произошла авария, собачка оказалась в салоне машины случайно. Вернее, благодаря особенности своей конструкции – большому мягкому брюшку. Оно послужил подушкой в Динкиной сумке при перевозке хрупких деталей.

Уже потом, в больнице, девочка, глядя на игрушку, вдруг с пугающей ясностью осознала: этот щенок – единственное, что связывает ее с прошлой жизнью. Именно он дает ей силы открывать глаза, потом вставать, есть безвкусное больничное пюре, выполняя строжайшее предписание врачей. Именно он давал ей силы жить.

У щенка не было имени. Сначала Динка не считала его достойным этой чести, вернее, она даже не задумывалась о необходимости дать имя, затем стало уже слишком поздно. В общем, он так и остался Щенком.

В последний день перед выездом Динка заглянула в кабинет к Евгению Михайловичу.

– Входи, – директор улыбнулся и сделал приглашающий жест.

– Я бы хотела отлучиться из школы. Ненадолго... – попросила она.

– И куда же? Наверное, по магазинам? Всякие сарафаны-купальники? Все-таки на море едете. – Он понимающе подмигнул.

– Нет, – девочка покачала головой. – Хочу побывать на могиле. Можно?

Евгений Михайлович сразу стал очень серьезным.

– Конечно. Давай отвезу тебя. – Он встал из-за стола и потянулся за пиджаком на спинке стула.

– Вы же заняты. Я бы сама... – Динка наклонила голову набок, искоса поглядывая на директора.

– И не думай, – отрезал тот. – Вы – моя самая главная забота. Едем.

Старый уголок кладбища был зелен и неплохо ухожен. Ровная трава, благонравные кустики, высаженные рядком деревья... Могильная плита с именами Динкиных родителей – чистая, гладкая, холодная даже в самый солнечный день.

Динка помнила, как директор привел ее к могиле впервые. Это случилось почти через месяц после катастрофы, когда девочку, наконец, выпустили из больницы. Лил дождь, и Дина, в розовом дождевике, прижималась к мокрой плите и плакала. Слезы мешались с дождевыми каплями, и ей казалось, что даже природа плачет вместе с ней.

Евгений Михайлович не окликал, не просил побережь неокрепшее здоровье – просто стоял рядом, такой взрослый и такой надежный. Когда Динка устала плакать, он прижал ее к себе, так же молча, без пустых слов, а потом отвез в школу...

С тех пор он привозил ее к могиле каждый год, и они обязательно клали на плиту две белые лилии...

Вот и сейчас...

– Возьми, – директор протянул ей душно пахнувшие ветки с бело-розовыми полураспущенными бутонами.

Динка взяла, подошла к плите и положила цветы.

Она уже давным-давно знала, что там, внизу, никого нет, но сама процедура стала своеобразной церемонией. Могила была еще одним доказательством. И символом, как плюшевый Щенок.

– Я найду вас, – прошептала девочка, склонившись к плите. – И я отомщу за то, что с нами сделали. Обещаю.

Ей не требовалось притворяться – слезы сами собой набежали на глаза.

Дина встала, медленно отерла их ладонью и повернулась к Евгению Михайловичу, как всегда, терпеливо ожидающему немного в отдалении, в тенике молодого клена.

– Спасибо. Это все, что мне было нужно. Можем ехать.

* * *

Они вылетели в Германию. Сначала до Гамбурга три с лишним часа перелета. Далее – скоростным поездом, потом электричкой. Переезд оказался длинным и довольно тяжелым.

Все чувствовали себя не в своей тарелке, словно были немного виноваты друг перед другом. Даже Глеб не подбадривал друзей, все и без того понимали, что это задание разительно отличается от прежних. Раньше, даже когда они вели войну с принятым в штyki Яном, они все же оставались командой. А теперь... Можно ли сказать о них так сейчас, когда в каждом зреет зерно сомнения.

На место прибыли уже к вечеру, когда над морем пламенел закат и солнце стремительно опускалось в воду, словно желая поскорее остудить разгоряченное за день тело.

Их поселили в небольшом одиноком бунгало на берегу. Место оказалось очень красивым и словно даже немножечко ненастоящим. По крайней мере, у Динки возникло чувство, что она смотрит на картинку, рука даже потянулась в поисках мышки, чтобы увеличить плывущий вдали корабль и разглядеть его во всех подробностях.

– Чудесно, – выдохнула Александра. Поставив сумку на песок, она смотрела на деревянный домик под огромным старым каштаном.

– Да, только деревьев маловато... – вставил Северин, который всем видам пейзажа предпочитал лесной.

– Зато тихо. Никто работать не помешает, – добавил практично Ян. – Если не ошибаюсь, чуть дальше начинаются типично туристические места с популярными пляжами.

– Эти места всегда пользовались популярностью, – подтвердил Глеб. В отличие от друзей, он внимательно осматривал окрестности вовсе не на предмет красот – его беспокоила возможность слежки. – Их любили Томас Манн и Эйнштейн, а Гитлер велел построить на Рюгене огромный курорт, чтобы здесь отдыхала элита лояльных ему войск. А в советское время...

– Может, не надо лекции? – прервала его Динка. – Не знаю, как вы, а я устала, а еще мне срочно необходимо искупаться!

– Рисковая ты! – заметил Ян.

– Это почему? – Девочка подозрительно на него покосилась.

– Купаться на закате в священном месте, не договорившись с местными богами... – Он осуждающе покачал головой. – Знаешь, был обычай: приносить жертву, бросая ее в воду. Вдруг они примут тебя за жертву? Молодая девушка, и время самое подходящее... Кстати, может, и нам на пользу пойдет – после жертвы легче будет обо всем договориться.

Динка, сначала серьезно прислушивающаяся к его словам, хмыкнула, буркнула на ходу «шутник» и потащила рюкзак к крыльцу.

Глава 5

Пропавшие соседи

Северин проснулся едва рассвело. В уши бил рокот близкого моря, а ноздри тревожил соленый йодистый запах.

Парень вскочил, чувствуя, как его переполняет избыток сил. Словно не было этих странных дней в школе, когда все молчали и косились друг на друга, а его мучило от глухого беспокойства. Словно не было длинного изматывающего переезда. За ночь все изменилось, стало легче, приятнее и привычнее. Тихо, чтобы не разбудить спящих на соседних кроватях Глеба и Яна – комнат было всего две, – он выскользнул за дверь, вышел на крыльцо и сразу оказался на пляже.

Свежий морской бриз ласковой рукой взъерошил волосы. Оказалось еще свежо, но это только прибавляло бодрости. Море с утра казалось серым. Северин начал свой день с купания, окунувшись в прохладные воды Балтики, а затем побегал по пляжу, по самой кромке воды, чувствуя, как встречный ветер окончательно стирает последние следы тревоги и усталости. Вокруг никого. Вся полоса пляжа совершенно пуста, чуть дальше располагались заросли, состоящие из невысоких пышных деревьев. Море мерно дышало – то нахлынет, то снова поспешно отступит, иногда ноги окатывало пеной особо резвой волны.

Он пробежал не так уж много, когда вдруг заметил еще одно бунгало, очень похожее на их собственное. В груди кольнуло разочарование – Северин уже представлял, что они здесь одни на множество километров. Впрочем, директор даже обещал, что никого поблизости не будет, но вот примерно с полкилометра, и, пожалуйста, люди. Может, для Евгения Михайловича, коренного горожанина, это расстояние кажется огромным, для Северина, выросшего в диких, малозаселенных местах, оно ничто.

Оставалась надежда, что домик пуст. Северин остановился, приглядываясь издали. И правильно сделал – как раз в это мгновение дверь домика открылась. Парень инстинктивно упал на песок и замер – расстояние было достаточным, существовал отличный шанс, что его не заметят, а Северину отчего-то не хотелось выдавать свое присутствие.

Тем временем из дома показалась девушка. Высокая, загорелая, в черном купальнике, подчеркивающим тонкую, красивую фигуру. Девушка на миг остановилась на крыльце, вся освещенная солнцем, а затем вдруг потянулась, подняв вверх руки и встав на носочки, словно желая улететь, потом склонилась в одну сторону, в другую. Казалось, она исполняет какой-то странный и необыкновенно грациозный танец. Северин наблюдал за ней с любопытством и в то же время словно завороченный.

«Она же разминается!» – вдруг понял он, когда девушка дошла до отжиманий. Она отжалась раз шестьдесят, затем принялась крутиться вокруг своей оси, словно юла. Быстрая, грациозная, похожая на смертельно опасную змею.

«Спортсменка, специализируется на восточных единоборствах, – подумал Северин, заметив среди упражнений характерные стойки и движения. – Причем сочетает разные виды».

Он еще немного понаблюдал за ней, а затем осторожно отступил в море – заметить человека в воде, среди волн, гораздо труднее, чем на открытом берегу, поэтому домой он решил возвращаться вплавь. Неожданная встреча неприятно его поразила, а в голове так и вертелись вопросы. Что это за девушка? С кем она и для чего здесь? Скорее всего, бунгало облюбовала какая-то спортивная группа, выехавшая для тренировок в уединенное место. Эта версия была настолько логична и проста, что Северин никак не мог в нее поверить.

От бывшего приподнятого настроения не осталось и следа. Он чувствовал себя матерым волком, которого гонят к флажкам, где уже притаились в засаде охотники с ружьями. Только вот кто его гонит?..

* * *

– Но ты не знаешь, сколько их вообще? – спросил Глеб, выслушав рассказ Северина.

Вся команда сидела за столом на веранде, и на минуту Динка даже отвлеклась от разговора, глядя на море. Как же давно она не была на море, да и отдых у них получился, можно сказать, только год назад, в летнем лагере. И то какой-то неполноценный, как лишенный вкуса и запаха магазинный хлеб.

– Не знаю, чем-то мне все это не нравится, – буркнул тем временем Северин.

Ян, разломив булочку, откусил от нее кусочек, тщательно прожевал, а только потом вставил свой комментарий, как всегда, ехидный:

– Может, здесь просто недостаточно дико? Две компании на километр пространства – явная перенаселенность.

Саша бросила на Яна укоризненный взгляд, но остальные пропустили замечание мимо ушей: они уже привыкли к его, мягко сказать, своеобразной манере общения.

– Мы должны посмотреть, – сказал Глеб серьезно. – Нельзя рисковать. Все же помнят, что у нас есть соперники в поисках артефактов. Весьма вероятно, что они последовали за нами.

– Но откуда они могли узнать, куда мы едем? Предатель же был найден! – возразила Александра.

– Значит, не найден, – пикировал Ян.

Он один из всех не склонился сейчас над тарелкой и прервал повисшую было неловкую паузу.

Глеб встал и внимательно оглядел друзей.

– Слушайте меня, – сказал он негромко, но отчетливо, – команда не сможет работать, если мы будем подозревать друг друга. В этом случае я сразу звоню Евгению Михайловичу и сообщаю, что с заданием мы не справились.

– Ладно, ладно! – Ян поднял вверх руки, словно сдаваясь. – Считайте, что это была шутка. Лично я готов продолжать работу. Только скажи... как руководитель нашей группы... что мы планируем дальше? Рядовой Ян Белорецкий полностью в вашем распоряжении!

– Планы таковы: завтракайте и купайтесь, а мы с Северином сходим прогуляемся, – сообщил Глеб. – И никаких возражений, – остановил он пытавшегося что-то сказать Яна, – сиди пока здесь, больше пользы будет.

– Жаль! – Динка разочарованно облизала ложечку с джемом. – А я надеялась посмотреть на вражеских агентов!

– Посмотришь еще, – бросил через плечо Глеб, и они с Северином направились в сторону подозрительного бунгало. Правда, передвигались они не по пляжу, а по кромке зарослей, чтобы подойти к чужому лагерю незаметно.

Когда они ушли, завтрак как-то сам собой быстро закончился. Саша убрала со стола и, закутавшись в парео, словно ей было очень холодно, несмотря на солнце, устроилась в отдалении на берегу, неподвижно уставившись на воду.

Вскоре к ней присоединился и Ян. Он сел рядом с девушкой и приобнял ее, словно защищая от всех страшных воспоминаний разом.

Динка, оставшись одна, вытащила из кармана телефон с сим-картой, купленной ею в аэропорту, вышла с него в Интернет, ловко меняя каналы входа, чтобы невозможно было отследить айпишник. И, наконец, зайдя на один из сайтов, отправила с него короткое закодирован-

ное письмо. При расшифровке его можно было бы прочитать: «Вы встали слишком близко, вас заметили». Ответ пришел почти сразу: «Это не мы. Наши люди еще в пути».

С чувством выполненного долга Динка закрыла телефон и вынула из него симку. Этих симок у нее было целых пятнадцать штук – хватит на ближайшее время, а рисковать пока никак нельзя.

«Ну и хорошо, что это обычные туристы», – подумала она с облегчением и отправилась переодеваться в купальник: указания руководства надо выполнять, по крайней мере в той части, в какой они приятны самой Динке.

* * *

Домик, действительно, очень похожий на тот, в котором остановились «русичи», казался нежилым.

Глеб вопросительно посмотрел на Северина, и тот пожал плечами: откуда я знаю.

Оба приблизились к дому, насколько это позволяли заросли, и долго вглядывались в темные окна.

– Я не чувствую здесь людей, – сказал, наконец, Северин. – То есть запах есть, но очень слабый. Словно они были здесь недолго, а сейчас уехали. Подожди, я посмотрю поближе.

Глеб кивнул. Он знал, что другу можно полностью доверять. Он сам произведет гораздо больше шума и заметит не в пример меньше, чем Северин.

Вот гибкая фигура юноши скользнула к дому и замерла у одного из окон. Какое-то время Северин приглядывался и, кажется, приняхивался, потом стал осторожно обходить дом. Глеб ждал, не сводя взгляда с бунгало. Ничего. Абсолютная тишина.

Наконец, Северин вернулся.

– Никого, – сказал он с некоторым недоумением. – На двери замок. Я обнаружил следы колес. Чуть правее тебя дорога, там стоял джип. Мне кажется, обитатели дома уже уехали.

Глеб перевел дыхание.

– Вот и отлично. Значит действительно не будут нам мешать. Ничего удивительного, что люди приезжали, скажем, на выходные и уехали с самого утра – вероятно, их ждет долгая дорога.

– Вероятно, – эхом отозвался Северин. Между его бровей залегла легкая складочка. Похоже, он о чем-то напряженно думал.

– Тебе что-то в этом не нравится? – Глеб требовательно посмотрел на друга.

Северин медленно покачал головой.

– Не знаю, – сказал он тихо. – Одни ощущения.

* * *

Глеб шел по пляжу один, думая о том, что сказал Северин. Ему, как главе команды, требовалось время на размышление, и, самое главное, он больше не мог допустить ошибку.

Сначала был запах – стойкий запах сосновой хвои и густой тягучей смолы. Глеб удивился, потому что не видел деревьев, и вдруг мир вокруг него дрогнул. Уже почти привыкший к перемещениям, Глеб понял, что опять проваливается в прошлое. Теперь парень оказался в густом лесу, судя по запаху соли, море было где-то недалеко. А откуда-то спереди доносились крики и гулкие, размеренные удары.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.